

Соснина Анна Александровна

МАГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА СЛОВА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Работа посвящена отражению фидеистических представлений об имени в индоевропейских языках. В статье сделан упор не на культурологическую, а на лингвистическую сторону вопроса, происхождение слов и словарный материал. В этом заключается новизна исследования. Результаты работы позволяют предположить, что слова всегда обладали особым статусом в культурах различных народов - во многих языках отражена вера в способность имени менять реальность, влиять на высшие силы, на свою или чужую судьбу.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/9-1/49.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 9(63): в 3-х ч. Ч. 1. С. 168-171. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81

Работа посвящена отражению фидеистических представлений об имени в индоевропейских языках. В статье сделан упор не на культурологическую, а на лингвистическую сторону вопроса, происхождение слов и словарный материал. В этом заключается новизна исследования. Результаты работы позволяют предположить, что слова всегда обладали особым статусом в культурах различных народов – во многих языках отражена вера в способность имени менять реальность, влиять на высшие силы, на свою или чужую судьбу.

Ключевые слова и фразы: мифологическое сознание; этимология; магическая функция языка; логос; неконвенциональная трактовка языкового знака; фидеизм.

Соснина Анна Александровна

Новосибирский государственный технический университет
anna.sosn@yandex.ru

МАГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА СЛОВА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Целью исследования является рассмотрение традиционных представлений о слове и их отражение в индоевропейских языках. В связи с поставленной целью формулируются следующие задачи: коротко охарактеризовать роль имени для мифологического сознания; отметить некоторые факты, подтверждающие веру в магию слова на уровне этимологии; сделать краткий обзор отражения фидеистического отношения к имени в быту, в том числе, через имянаречение, табу и эвфемизмы.

Мифологическое сознание, которое Н. Б. Мечковская определила как «первобытно-коллективное (общезнаменное) представление о мире с обязательным сверхъестественным компонентом» [10, с. 38], имеет ряд особенностей. Среди тех из них, которые непосредственно касаются рассматриваемого вопроса, необходимо назвать неразделимость вещи от слова, имени и, как следствие, веру в могущество последнего, его власть над вещью. Имя было сутью предмета. Эта идея проявляется в философских, религиозных и мифологических представлениях различных народов и в различные эпохи – достаточно вспомнить предложенную Конфуцием концепцию об изменении общества путем «исправления имен» – («чжэн мин»), греческую теорию «фюсей» (от греч. φύσις – «природные свойства, природа, характер»), согласно которой имя вещи дано ей от природы и соответствует ей, соответствует ее природе [2, с. 1331; 11, с. 85]. Об этом подробнее речь пойдет далее. Д. Л. Шукуров отмечает, что в шумерской, индийской и египетской традиции «без имени невозможен был культ. Только призывая божество по его имени, возможно было оказать на него воздействие: умиловать, если это злое божество, просить помощь, благодарить, если это божество-покровитель. Именуемый или призываемый посредством известного имени бог откликается на зов призывающего и произносящего его имя. В этом заключалось магическое значение имени» [19, с. 216].

Непосредственно в языке неконвенциональное понимание языкового знака также нашло свое отражение. Так, идея о креативной функции слов и о творении с их помощью сохранилась в истории индоевропейского корня *dhe-. Во всех славянских языках производные от этого корня имели две группы значений: «делать» и «говорить»: ср. ст.-сл. и ц.-слав. *дѣяти*, русск. *делать*, *действенный*, *злодей* и т.д.; след значения «говорить» сохранился в частице *де* (из древнерусск. *дѣе* < *дѣеть* – «он говорит») и в глаголе *дескать*. Тот же корень *dhe – входит в древнегреческое выражение *ὀνοματo-θέτης* «создатель, установитель имен» – существо высшего порядка, давшее имена вещам» [2, с. 888; 18, с. 48].

В ряде индоевропейских корней можно видеть связь между значениями «слово» и «судьба». Так, в слове *рок* (др.-русск *рокъ* – «срок, год, возраст; правило; судьба»), тот же самый корень, что в словах *реку*, *речь*; аналогичный семантический переход мы наблюдаем в латинском языке: *fātum* «судьба», связанное с *fābula* «молва, толки», *fāri* «говорить» [16]. Данные этимологии снова подтверждают это. Ср. русск. корень *рек-рок-*, родств. тох. *A rake*, *B reki* «речь, слово», др. – инд. *racayati* «приводить в порядок, делать, создавать», готск. *ga-rehsns regin* «решение, определение», др. исл. *Regin* «боги» [20, с. 450; 23, s. 200]. По мнению Г. К. Красухина, «следует предположить следующую эволюцию значений данного корня. Вероятно, по происхождению он был звукоподражательным (ср. сходный набор фонем в и.-е. *reug-/rug/ruk – лат. *rugire*, *raccare* «рычать», лит. *rekti* «кричать, реветь», русск. *рычать*). Затем появляется новое значение «говорить, изъясняться членораздельно – считать, решать, упорядочивать – творить – быть демиургом» [8, с. 32]. Как именно происходило определение судьбы с помощью слова можно прочитать в эддическом мифе творения. Согласно «Прорицанию Вэльвы», сначала в мире «не было ни песка, ни моря, бездна зияла, трава не росла», «солнце не ведало, где его дом, звезды не ведали, где им сиять, месяц не ведал мощи своей». Следующий фрагмент связан с упорядочиванием мироздания: «Тогда сели боги // на троны могущества // и совещаться // стали священные, // ночь назвали // и отпрыскам ночи – вечеру, утру и дня середине // прозвище дали, // чтоб время исчислить» [13, с. 10]. Таким образом, время и мир творятся путем называния их частей, при этом творятся существами, название которых этимологически родственно с русскими словами *рок* и *речь*.

Некоторые слова с общим значением ‘издавать звуки’ и т.п. могут обозначать одновременные различные магические словесные действия. Примеры можно во множестве наблюдать в различных индоевропейских языках, приведем только несколько: русс. *вещать* – ‘сообщать’, но также ‘прорицать, гадать’ [18, т. 1, с. 148]. Для слова *бать* этимологический словарь славянских языков в большинстве славянских языков отмечает значение ‘колдовать, ворожить, заговаривать’ и реже ‘говорить, рассказывать (в т.ч. небылицы, сказки)’ [21, с. 137]. Связанные с колдовством значения в современном русском языке утратились, но отчасти сохранились в прилагательном *обаятельный*. Совр. англ. *spell* – ‘называть слово по буквам’ – происходит от ст.-фр. *espeler* ‘читать вслух’, произошедшего, в свою очередь, от более раннего **espeldre*, заимствованного прагерманского **spellōn*. Это последнее слово этимологически родственно **spellam*, от которого происходит англ. *spell* ‘заклинание’. Таким образом, слова *читать вслух* и *произносить заклинание* происходят из одного источника [22, р. 472]. Латинское *canto*, первое значение которого ‘петь’, также значит ‘произносить заклятия’. Аналогичный семантический переход наблюдается и в производных от этого слова [5, с. 118], причем он сохранился в других языках, куда само слово и его производные были заимствованы, ср. англ. *incantation* ‘заклинание’, фр. *enchanter* ‘очаровывать, околдовывать’ и др.

Для древних индусов Слово и Творец также были едины. Для них Вач, богиня речи, являлась воплощением творческих сил Брахмы. Это представление нашло, в том числе, свое отражение в индийской традиции: едва родившись, Кавьяпуруша произносит стихи: «Весь этот вещный мир кажимостей творит Слово; и это (Слово) я Дух поэзии» [Цит. по: 3, с. 13]. Ср. также индоевропейский корень **uet-/uat*, от которого лат. ‘пророк, вещий певец’; *vaticinor* ‘прорицатель’, – римский бог, дающий младенцу членораздельную речь, этимологически ‘поющий песнопения’, герм. *Wotan*, сканд. *Odinn*, русск. вития ‘пророк, завет, заповедь’ и др. [8, с. 35]. Таким образом, в типологически близких понятиях, связанных с речью и словом, содержится целая мифологема: Творец (не называем его в данном случае Богом) творит мир Словом. Это слово сродни одновременно поэзии и делу (возможно, это танец или песня). Это слово предрекает судьбу (слово ‘судьба’ также связано этимологически и типологически с речью и созданным миром и одновременно оно само – творец).

Греческое слово *λόγος*, на первый взгляд, никак не соотносится с рассматриваемой темой. В древнегреческом словаре это слово имеет несколько десятков значений, среди которых первые и основные ‘слово, речь’, ‘приказание, повеление’, ‘разговор’, а также ‘разум’ и ряд других. Из множества значений только одно имеет определенное отношение к мифологии – ‘вещное слово, предсказание, прорицание’ [2, с. 766-767]. Философское истолкование Логоса впервые предпринято Гераклитом. Он находил в природе сущую речь, слово, системообразующий принцип, познание которого равносильно познанию мира. Гераклит, а позднее также стоики, отчасти – гностики и пифагорейцы являлись сторонниками теории «фюсей», уже упомянутой ранее, и полагали, что имя вещи присуще ей по природе. Противоположную концепцию, так называемую «тесей» (от греч. *thesis* – положение, установление), отстаивали Демокрит, Аристотель, отчасти Платон и считали, что имена являются результатом договора, принятого людьми [1].

Первоначально, например, у Гомера, слово *λόγος* понималось несколько иначе: оно использовалось для описания словесной магии и называлось ‘сладкими словами’ [8, с. 27]. Дальнейшее развитие идей, связанных с Логосом, мы наблюдаем у Филона Александрийского. В его учении Логос – посредник между божеством и материей, воплощенный смысл бытия, который открывается жрецу и пророку. У неоплатоников и гностиков идея Логоса сливается с представлением о боге в Ветхом Завете: «Логос – вечно свойственная богу сила разума, слово и вечная мысль бога, которая в качестве логоса создала мир, и которая его пронизывает и связывает» [17, с. 247]. Подобное отношение к слову не является чем-то специфичным лишь для Древней Греции. В русском языке эквивалентом для греческого *Логос* было *Слово*, ср. русский перевод начала Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» [6, с. 409]. Но даже в бытовом языке слово в том числе понималось как чары, заклинания: «Слово, словцо – заговор, чара, заклинание. Он такое слово знает – заговаривает, колдует. Клад со словом кладут, кому дастся, а кому нет» [4, с. 227]. При таком понимании слово – целый текст, обладающий магическими свойствами.

Русская философская мысль едва ли не с крещения Руси получает отчетливо религиозную окраску. Известную роль играет также смешение книжной и народной, в основе своей языческой, культур. Результатом действия этих факторов явилось то, что восприятие слова как простого знака, метки, наметившееся еще в античности (вспомним теорию «тесей») и получившее ранее распространение в Европе, не было популярно на Руси. Соответственно, противоположная тенденция – фидеизм, фидеистическое отношение к языку, присутствовала на Руси вплоть до XVII в., а в виде реликтов – еще дольше, что отчетливо проявилось как в книжной, так и в народной традициях, оказывая влияние на самый широкий круг процессов. Так, фидеистическое отношение к слову и всему, что с ним связано, лежало в основе т.н. второго южнославянского влияния (XIV-XV вв.). По замечанию Б. А. Успенского, причиной второго южнославянского влияния явилось стремление к реставрации «правильного языка» (в данном случае церковнославянского): «В процессе кодификации (языка – А. С.) актуализируются представления книжников о правильном языке, в частности, о неконвенциональном характере языкового знака, о безусловности связи между означающим и означаемым <...>» [15, с. 62].

К проявлениям магической функции речи относятся все виды словесной магии: заговоры, проклятия, клятвы, пророчества и т.п. С верой в могущество слова связаны и словесные табу, имена-обереги, как содержащие добрые пожелания – напр. *Живко, Здравко*, так и отвращающие, некрасивые (сербск. *Гнуса*, русск. *Неждан, Нежелан, Некрас*) и т.п. Это имена-прозвища, которые должны были обмануть болезнь или смерть и заставить их искать замену человеку. Подобная ситуация наблюдается и у других народов:

ср. турецк. имя Ийлмаз – ‘то, что не нужно даже собаке’ [14, с. 86-87]. Сходную функцию выполняет большая группа слов в разных языках, для которых существует несколько близких по значению терминов: эвфемизмы, слова-табу, языковые табу, переименование по запрету [7, с. 101-114]. Как правило, подобному запрету на называние подвергаются мифологически значимые слова – имена и названия мифологических существ, как дружелюбных, так и враждебных человеку, духов, болезней, ритуально значимых животных [9, с. 103]. Подробный анализ эвфемизмов в русском языкознании проведен в статье Е. Н. Похилок [12].

Обзор представлений о магических свойствах слова нельзя, разумеется, считать завершенным. Лингвистические данные и фольклор изобилуют многочисленными примерами специфического, фидеистического отношения к слову, так что сказать обо всех из них не представляется возможным. Некоторые реликты подобного отношения к слову наблюдаются и по сей день в современном нам быту, и мы часто не осознаем это. Достаточно вспомнить обычай, по которому женщина после свадьбы принимает фамилию или имя мужа, ритуально умирая, таким образом, в своем роду и рождаясь заново в чужом уже под новым именем. Этот обычай принят во многих странах мира. Мы до сих пор говорим: «Меня зовут...», предпочитая эту формулировку фразе «Я – такой-то». При этом до сих пор по правилам хорошего тона лучше, чтобы незнакомых людей друг другу представил кто-то другой [14, с. 87]. Древние представления отчасти сохранились в выражениях типа *держаться на честном слове* (которое, кстати, не имело раньше пренебрежительно оттенка), лат. *Notum est open* – «Имя это предзнаменование» и множестве других.

Таким образом, можно подвести некоторые итоги:

1. Ряду индоевропейских народов было свойственно неконвенциональное отношение к слову, т.е. вера в его непосредственную связь с обозначаемым предметом или лицом и даже власть над ними.
2. Фидеизм по отношению к слову проявляется, в том числе, в присвоении ему креативных возможностей, т.е. творения с помощью слова, что подтверждается лингвистическими данными.
3. Регулярным для некоторых языков является обозначение слов с общим значением «речь» и «судьба» одним корнем – таким образом, в произнесенном слове, согласно верованиям древних, заключена судьба.
4. Слова с общим значением ‘издавать звуки’ и т.п. часто также обозначают различные магические словесные действия.
5. Даже к самому факту произнесения слов, и в том числе имен собственных, наши предки относились с осторожностью, достаточно вспомнить имена-обереги и некоторые принципы имянаречения у славян, а также различные эвфемизмы и табу, регламентировавшие использование определенных категорий слов.
6. Реликты подобных представлений отчасти сохраняются до сих пор.

Список литературы

1. **Античные теории языка и стиля:** антология текстов / общ. ред. О. М. Фрейденберг. СПб., 1996. 363 с.
2. **Греческо-русский словарь** / А. Д. Вейсман. Репр. 5-го изд. 1899 г. М.: Греко-лат. кабинет Ю. А. Шичалина, 2006. 1370 с.
3. **Гринцер Н. П., Гринцер П. А.** Становление литературной теории в древней Греции и Индии. М.: РГГУ, 2000. 424 с.
4. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М. – СПб.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1982. Т. 4. 556 с.
5. **Дворецкий И. Х.** Латинско-русский словарь. М.: Русский язык Медиа, 2008. 845 с.
6. **Евангелие от Иоанна** // Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. С. 409-529.
7. **Зеленин Д. К.** Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии // Сборник музея антропологии и этнографии. Л., 1929-1930. Т. 8-9. С. 1-167.
8. **Красухин К. Г.** Слово, речь, язык, смысл: индоевропейские истоки // Язык о языке. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 23-45.
9. **Ларин Б. А.** Об эвфемизмах // История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977. С. 101-114.
10. **Мечковская Н. Б.** Язык и религия. М.: Фаир, 1998. 350 с.
11. **Новая философская энциклопедия:** в 4-х т. / под редакцией В. С. Стёпина. М.: Мысль, 2001. Т. 1. 723 с.
12. **Похилок Е. Н.** Проблема изучения эвфемизмов в русском языкознании // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21). Ч. 1. С. 138-141.
13. **Прорицание Вельвы** // Старшая Эдда / пер А. Корсуна; ред., вс. ст. и комм. М. И. Стеблина-Каменского; отв. ред. В. М. Жирмунский. М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1963. С. 10-30.
14. **Семенова М. А.** Мы – славяне. СПб.: Азбука, 1997. 560 с.
15. **Успенский Б. А.** История русского литературного языка. М.: Аспект-пресс, 2002. 560 с.
16. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]: в 4-х т. 3-е изд., стер. СПб.: АЗБУКА. Астрель, 2004. Т. 3. 831 с. URL: <http://enc-dic.com/fasmer> (дата обращения: 04.07.2016).
17. **Философский энциклопедический словарь** / ред.-сост. Е. Ф. Губский и др. М.: Инфра-М, 2000. 575 с.
18. **Черных П. Я.** Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1999. Т. 1. 559 с.
19. **Шукуров Д. Л.** Герменевтика божественного имени // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24). Ч. 1. С. 216-218.
20. **Этимологический словарь русского языка:** рус. яз. от А до Я / Т. Л. Федорова, О. А. Щеглова. М.: ЛадКом, 2007. 606 с.
21. **Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд** / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1974. Вып. 1. 214 с.
22. **Ayto J.** Word Origin: the Hidden Histories of English Words from A to Z. 2nd ed. London: A&C Black, 2005. 577 p.
23. **Rocorny J.** Indogermanishes etymologies. Wörterbuch. Bern, München: Francke Verlag, 1959. 1183 s.

MAGICAL PROPERTIES OF A WORD AND THEIR REPRESENTATION IN THE INDO-EUROPEAN LANGUAGES

Sosnina Anna Aleksandrovna
Novosibirsk State Technical University
anna.sosn@yandex.ru

The article is devoted to the representation of fideistic ideas about the name in the Indo-European languages. The author focuses not on the culturological, but on the linguistic aspect of the problem, the origin of words and vocabulary material. This is the novelty of the research. The results of the work allow proposing that words always had a special status in the cultures of various peoples – in many languages belief in the ability of the name to change the reality and to affect superior forces, one's own or someone else's destiny is represented.

Key words and phrases: mythological consciousness; etymology; magical function of language; logos; unconventional interpretation of linguistic sign; fideism.

УДК 81:42

В статье раскрываются структура и функции лексико-семантического поля «вода» в рассказе В. В. Набокова «Лик». Автор работы доказывает, что обширное поле «вода», включающее в свой состав помимо ядерных групп также множество слов, обозначающих предметы и явления, ассоциативно связанные с водой, является важнейшим средством создания образа размытой и проницаемой границы между уровнями действительности, изображёнными в произведении. Посредством лингвистического анализа выясняется, что компоненты лексико-семантического поля «вода» активно вовлечены в состав рассеянных по тексту тропов, которые, в свою очередь, объединяются в развёрнутые имплицитные метафоры, формирующие «подтекст» набоковского рассказа.

Ключевые слова и фразы: В. В. Набоков; рассказ «Лик»; лексико-семантическое поле «вода»; подтекст; имплицитная метафора; многослойная вселенная; образ границы между реальностями; потусторонность; инобытие.

Титов Олег Анатольевич, к. филол. н.

Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского
olegitov2009@yandex.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ВОДА» В РАССКАЗЕ В. В. НАБОКОВА «ЛИК»

Вселенная, представленная в произведениях В. В. Набокова, всегда многослойна. Даже при поверхностном чтении в ней можно различить как минимум два уровня: мир персонажей и потусторонность. Примечательно, что потусторонность может находиться как выше реальности персонажей (мир Автора, рай), так и ниже её (продукт воображения одного из героев, аналог ада). Однако в обоих случаях инобытие не становится предметом описания. Оно может просвечивать сквозь ткань фиктивного мира, высылать туда своих представителей, затягивать героя... В целом же потусторонность остаётся таинственной областью со смутно очерченными контурами, подобной «белому пятну» на карте с традиционным определением «terra incognita». По сути дела, для Набокова важны не тот или иной уровень бытия сам по себе, а их соотношение и взаимодействие. Потому внимание писателя, как и сюжетное действие, сосредоточено на границе между реальностями, которая на момент изображаемых событий становится размытой и проницаемой. Символом такого её состояния в произведениях Набокова становится вода. Вполне возможно, что восприятие водной стихии как границы между мирами восходит к фольклору, где именно река (Смородина, Стикс, подземный и небесный Нил) отделяет потусторонность от царства живых. Тем не менее, можно найти и другое объяснение такой взаимосвязи. В книге мемуаров «Другие берега» Набоков приводит последние слова своей двоюродной бабушки Прасковьи Николаевны Тарновской: «Теперь понимаю: всё – вода» [1, с. 477]. Возможно, это семейное предание и закрепило у писателя устойчивую ассоциативную связь воды со смертью и возрождением на качественно ином уровне бытия. Потому и персонажи Набокова чаще всего переходят из одной реальности в другую через погружение в воду. Появление жидкой субстанции в сюжете произведения становится ещё и показателем возможности осуществить такой переход.

На уровне речевой организации образ воды-границы создаётся довольно обширным лексико-семантическим полем, структура которого и контекстуальные значения входящих в него лексем становятся важнейшими способами имплицитирования сложных отношений между разными уровнями реальности в художественной вселенной Набокова. В данной статье мы продемонстрируем подобный принцип создания «подтекста» посредством анализа лексико-семантического поля «вода» в рассказе «Лик».

В первую очередь следует отметить, что мотив воды проходит через всё пространство рассказа. Важнейшая его роль эксплицирована пятикратным употреблением центральной ядерной лексемы «вода», а также суффиксальной производной от неё – «водица». Здесь же представлены наименования водоёмов: «море», «речка», «лужа», «Лета», последнее из которых, называя мифологическую реку забвения, протекающую в царстве мёртвых, актуализирует ассоциативную связь воды с потусторонним миром. В большом количестве представлены также слова, обозначающие различные жидкости («кофе», «раствор», «чернила», «вино», «пот»), их состояния